

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821 (091)

DOI: 10.17223/19986645/53/9

В.С. Абрамова

ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ И ИХ РОЛЬ ПРИ ИЗОБРАЖЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Анализируется функциональная нагрузка образов «иной» культуры в прозе А.П. Чехова и определяются цели обращения писателя к этностереотипам. Выделяются три особенности представления писателем национальных стереотипов. Доказывается, что этностереотипы не столько отделяют одну культуру от другой, сколько характеризуют сознание персонажей и служат для выявления их ценностной и этической позиции. В текстах мы видим взаимодействие разных ценностно-смысловых позиций, а не противопоставление культур

Ключевые слова: проза А.П. Чехова, национальное, образ иностранца, образ заграничного пространства, этностереотип, оппозиция «свое/чужое».

За рубежом в качестве «самого русского» писателя, в художественных произведениях которого наиболее полно воплощено русское бытие, нередко рассматривают именно А.П. Чехова. При этом представители других культур признают Чехова «своим», считая его творчество близким своей ментальности и указывая на поэтические особенности художественного мира писателя, которые воплощают «вненациональные» ценности и характеризуют *принципы сознания* человека любой культуры (см. работы: [1–4]).

В чём же причины такого явления? Д.С. Лихачев в статье «Национальное единообразие и национальное своеобразие» (1968) поднимает вопрос о национальном своеобразии литератур и рассуждает: «<...> Национальное своеобразие литературы в значительной мере зависит от национального характера её писателей и определяется национальным своеобразием их героев. Литература же, в свою очередь, очень важна для определения национального своеобразия, так как своеобразие, в первую очередь, раскрывается в творчестве, в характере творчества людей данной нации» [5. С. 168]. Поэтому важным представляется вопрос, *как выявить национальное* в художественном тексте и *какие художественные компоненты* составляют данное понятие.

По замечанию В.А. Редькина, воплощение национального характера того или иного народа не должно сводиться «только к психологическому складу конкретной личности». Выявляя особенности национального характера, необходимо «стремиться к анализу содержательной формы, поэтики» [6. С. 26]. Национальное в художественном тексте выделяется в сюжетно-

композиционной и пространственно-временной организации, образном строе, национальной топике, символах, мотивах и лейтмотивах, речевой характеристике персонажей, а также определяется через художественное осмысление традиций и обычаев, которые основываются на определённой системе ценностей и определённом типе переживания национальной истории и её особенностей (см. об этом: [7–10]).

Особую роль для выявления национально-специфического играет сопоставление «своего» и «чужого» в художественном тексте, ведь данное противопоставление является одной из ключевых оппозиций национального сознания. Оппозиция «свое / чужое» несет ценностно-смысловую нагрузку: «свое» нередко выступает со знаком плюс и ассоциируется с хорошим, правильным, естественным; «чужое» идет со знаком минус и выражает плохое, ошибочное, странное. Как наполненность членов оппозиции может быть иной, так и воплощение данного противопоставления в творчестве конкретного автора имеет свои особенности.

В произведениях многих русских писателей появляется образ представителя другой культуры (немца, француза, англичанина, поляка, еврея и др.). А.П. Чехов также часто прибегает к использованию образов «иной» культуры в своих произведениях. Рассуждая об особенностях представления иностранных персонажей в творчестве Чехова, можно отметить, что, с одной стороны, писатель продолжает традицию Д.И. Фонвизина, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина в создании образа иностранца: персонажа характеризует речь, «говорящая» фамилия (Вральман, Штольц и др.), а также то, как называют нерусских те или иные персонажи («нехристь», «ферфлюхтер» и т.д.); иноземец нередко воспринимается как «чужой» и противопоставляется русскому персонажу. С другой стороны, в отличие от многих своих предшественников художник создает образы чужеземцев без национального колорита, который бы выражался через детали, и за основу характеристики персонажа часто берет готовое, *стереотипное описание* представителя той или иной культуры, которое подчиняет своим особым целям. Например, англичанка – высокая, тонкая и презрительно глядящая («Дочь Альбиона». 1883); француз – маленький, патриот и душится («На чужбине». 1885); поляки – интересные brunettes («Степь». 1888); немцы – честные и сентиментальные («Учитель». 1886).

В.Б. Катаев одним из первых в чеховедении обратил внимание на использование Чеховым стереотипов: «Неизменны в чеховском мире относительность, обусловленность идей и мнений, стереотипов мышления и жизненного поведения, отказ от абсолютизации любого индивидуального решения, неосновательность разнообразных претензий на обладание «настоящей правдой» [11. С. 207–208]. В.В. Ерофеев в статье «Миф Чехова о Франции» (1992), рассуждая о национальной теме в русской литературе, отмечает, что в русской литературе, и в частности в творчестве Чехова, «само определение национальности становится более доминирующим, нежели характер любого героя, который связан с этой национальностью» [12]. Искажение чеховскими героями иностранных слов и выражений,

уничижительное изображение иностранцев вообще, аморфное представление заграницы исследователь объясняет ксенофобией писателя. «Потому что здесь, конечно, есть и традиционная внутренняя русская ксенофобия, которая видит всегда в иностранце подозрительную фигуру. И традиционное русское высокомерие, которое всегда за границей своего мира видит прежде всего персонаж, а уже потом человека» [12]. Не согласимся с выводами исследователя. На наш взгляд, в творчестве Чехова функциональная роль образов «иной» культуры совсем другая.

Работ, в которых исследуется национальное восприятие «чужого» в творчестве Чехова, немало, но в большинстве своем они сводятся к обзору, ограничивающемуся перечислением и краткой характеристикой персонажей-иностранцев и собственных им национальных стереотипов (см., например, работы: [13–16]). Через многие труды проходит мысль о том, что русские персонажи идентифицируют себя через противопоставление героям-иностранцам: «Чехов <...> играет национальными стереотипами, демонстрируя через взаимодействие двух культур не только французский, но и русский национальный характер» [15. С. 400]. Кроме того, подчеркивается, что Чехов использует распространенные представления о представителях другой культуры «преимущественно в юмористических целях» [16. С. 89]. Таким образом, факт обращения Чехова к национальным стереотипам (этностереотипам) не нуждается в доказательстве. Однако функции образов «иной» культуры и *проблематика* этностереотипов заграницы и иностранца в прозе писателя требуют детального изучения. Нуждается, на наш взгляд, в уточнении и понятие «этностереотип».

Национальный стереотип, или *этностереотип*, представляет собой «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы, распространяемый на всех ее представителей» [17. С. 149]. Этностереотипы содержат как реальные знания о нации, так и эмоционально-оценочное отношение к ее представителям, могут быть пристрастными, аккумулировать в себе предубеждения, предрассудки. Использование национальных стереотипов тесно связано с видением мира: «Как и всякий стереотип, он является своеобразным социальным конструктом, способствует ориентации индивида в жизни, выступает источником мотивации общественных действий последнего. Стереотип, в том числе национальный, тесно связан с языковым фактором и, подобно национальной идентичности, имеет дискурсивную природу» [18. С. 142]. В художественном тексте этностереотип отражается через хронотоп, место персонажа в образной системе произведения, его участие в сюжетном действии, предметной и речевой детализации.

Задача настоящей статьи – на примере ранних и поздних рассказов и повестей Чехова изучить, какую ценностно-смысловую нагрузку несут в творчестве писателя образы «иной» культуры, и определить, какова сверхзадача автора, обращающегося к национальным стереотипам в своем творчестве. В качестве методологии исследования нами используются приемы сравнительного, культурно-исторического анализа, а также подхо-

ды к анализу текста, используемые художественной имагологией (см. об этом: [19–23]).

Анализ рассказов и повестей, в которых присутствует образ иностранца в лице персонажей и сопутствующих им жизненных подробностей, а также наличествует оппозиция «русское / иностранное», позволил нам сделать следующие выводы.

Первое, что обращает на себя внимание в произведениях писателя, – это то, что образ иностранца часто дается в восприятии русского персонажа или раскрывается читателю в монологе, поступках, поведении самого иноязычного героя. Из произведений Чехова мы мало узнаем о социальном статусе чужеземца, его национальном самосознании, образе жизни. Русский герой видит представителя другой культуры упрощенно, воспринимает его как «чужого» и приписывает ему негативные характеристики. Оценочно представлены модели повседневного поведения, особенности физических движений, походки, речи.

В рассказе «На чужбине» (1885) помещик Камышев уничижительно отзывается о народе «гладко выбритого старика французика» Шампуня, который работает у него гувернером, и противопоставляет русское французскому, не имея на то никаких убедительных оснований: «Согласен, французы все ученые, манерные... это верно... Француз никогда не позволит себе невежества: вовремя даме стул подаст, раков не станет есть вилкой, не плюнет на пол, но... нет того духу! *Духу того в нем нет!* Я не могу только вам объяснить, но, как бы это выразиться, *во французе не хватает чего-то такого, этакого...* (говорящий шевелит пальцами) *чего-то такого... юридического.* Я, помню, читал где-то, что у вас у всех ум приобретенный, из книг, а у нас ум врожденный. Если русского обучить как следует наукам, то *никакой ваш профессор не сравняется.* <...> Вообще... *не нравятся мне французы!* Я про вас не говорю, а вообще... *Безнравственный народ! Наружностью словно как бы и на людей походят, а живут как собаки...*». [24. Т. 4. С. 163–164].

В рассказе «Глупый француз» (1886) гастрономические пристрастия характеризуют двух персонажей – француза Генри Пуркуа и русского, «полного благообразного господина». Своеобразное столкновение разных ценностных систем происходит за столом. Огромное количество еды на столе у русского: балык, сёмга, икра, блины, селянка – говорит о необузданности и неумеренности. Консоме и гренки, которые потребляет француз, свидетельствуют об умеренности, экономности, разумности, заботе о здоровье. Думается, сверхзадача Чехова связана не с выявлением различий национальных характеров русского господина и француза. *Французское* вовсе не высмеивается автором и не кажется ему глупым. Напротив, «глупым» в рассказе оказывается не француз, с ужасом наблюдающий за русским, который с жадностью поглощает большую гору еды, но этот «полный благообразный господин», которого больше ничего не интересует в жизни, а только много и вкусно поесть: «Порядки, нечего сказать! – проворчал сосед, обращаясь к французу. – Меня ужасно раздражают эти длин-

ные антракты! От порции до порции изволь ждать полчаса! Этак и аппетит пропадет к чёрту, и опоздаешь... Сейчас три часа, а мне к пяти надо быть на юбилейном обеде» [24. Т. 4. С. 357–358]. С нашей точки зрения, стереотипный образ представителя другой культуры не является для Чехова самоцелью так же, как самоцелью не является изображение типично русского поведения. Обыгрывание стереотипных представлений о французской экономности, разумности и русской расточительности, необузданности потребовалось писателю для того, чтобы донести мысль о превосходстве духовных ценностей над материальными.

Национальные характеристики русских также даются как стереотипные. «Русскими» в рассказах являются такие признаки, как «внутренняя красота», «бледность», «наивность», «лень», «усмешка». Приведём пример из рассказа «По делам службы» (1899): «Это был старик за шестьдесят лет, *небольшого роста, очень худой, сгорбленный, белый, на лице наивная улыбка, глаза слезились*, и всё он почмокивал, точно сосал леденец. Он был в коротком полушубке и в валенках и не выпускал из рук палки» [Там же. Т. 10. С. 88]. Не согласимся со словами критика Ю. Павлова: «Русскость Чехова проявлялась и в том, что он прежде и больше всего писал о недостатках своего народа. В редких случаях он перегибал палку, сбиваясь на обобщенно-несправедливые, оскорбительные оценки (как, например, в письме М.П. Чеховой от 13 июля 1890 года). Подчеркну: в основе национальной самокритики писателя лежит любовь к России и русским, эмоциональная реакция на поведение людей, «оскверняющих русское имя» (письмо А.С. Суворину от 9 декабря 1890 года). Поэтому несостоятельны постоянные попытки либеральных авторов сделать из Чехова своего союзника или единомышленника. Также несостоятельны версии о Чехове – ненавистнике евреев, крымских татар, немцев и т.д.» [25. С. 260–261]. Действительно ли Чехов писал о недостатках русских? Полагаем, что негативную оценку у писателя вызывал человек бездейственный, бездуховный, безнравственный, с ложной системой ценностей (а таким человеком может быть представитель любой национальности).

Рассказ «Обыватели» (1887) представляет нам ситуацию, когда русский и иностранец меняются местами: нерусский персонаж противопоставляет себя русскому и насмехается над ним. Суть произведения заключается в том, что целый день поручик из поляков Иван Казимирович Ляшкевский и немец Франц Степаныч Финкс, городской архитектор, наблюдают из окна за русским, празднично сидящим во дворе, и обличают его: «*Русский человек, ничего не поделаешь!* – говорит Финкс, снисходительно улыбаясь. – У русского кровь такая... *Очень, очень ленивые люди!* Если б всё это добро отдать немцам или полякам, то вы через год не узнали бы города <...> Вот как сел на лавочку, так и будет, *проклятый*, сидеть сложа руки до самого вечера. Решительно *ничего не делают, дармоеды и тунеядцы!*» [24. Т. 6. С. 191–192]. Внимание писателя сосредоточено на раскрытии образа поляка, а для изображения «лентяя во дворе» он использует уже готовый, стереотипный образ русского, хорошо знакомый читателю. Обзывая русского

обывателя лентяем, дармоедом и мошенником, живущим только мелкими личными интересами, говорящим только о политике и лужающим семечки, поляк и немец тоже ничего не делают и ведут себя как самые настоящие обыватели. Весь день приятели проводят за посиделками, пустыми разговорами, бранью, едой, играми в пикет и сном, включая послеобеденный: «Злобно оглядывая синие панталоны, Ляшкевский постепенно вдохновляется и входит в такой азарт, что на губах его выступает пена. Говорит он с польским акцентом, ядовито отчеканивая каждый слог; под конец мешочки под его глазами надуваются, он оставляет русских подлецов, мерзавцев и каналий в покое и, тараща глаза, кашляя от напряжения, начинает сыпать польскими ругательствами» [24. Т. 6. С. 192]. Праздные разговоры и картёжный азарт заставляют немца Финкса забыть о том, что ему нужно посмотреть стену, треснувшую в школе. Вместо полезных дел он остаётся слушать брань Ляшкевского и пить чай: «В шесть часов просыпается Финкс. – Поздно уж в гимназию, – говорит он, потягиваясь. – Придется завтра сходить, а теперь... отыгаться, что ли? Давайте еще одну партию...» [Там же. С. 196].

Показывая ложные представления и мнения героя о необходимости противопоставления «своего» «чужому», художник ставит героев в комические ситуации. Не русский персонаж-обыватель, а герой-поляк Ляшкевский, который ничего не делает, играет в пикет и ругает русских, вызывает у читателя только улыбку и сожаление своей невоспитанностью, пошлостью, ворчливостью, грубостью и ленью: «Восемь... девять... десять... Да, удивительный народ эти русские! Одиннадцать... двенадцать. *Русская инертность – единственная на всем земном шаре <...>* У, пся крев! *И как это ты не околеешь от лени!* Ни труда, ни нравственных и умственных интересов, а одни только растительные процессы... Гадость! Тьфу!» [Там же. С. 194–196]. Ляшкевский показывает крайнюю степень грубости и невоспитанности, когда подобные бранные слова начинает уже говорить об ушедшем приятеле-немце, а потом принимается брюзжать и на собственное кресло и пружину матраца: «Прроклятый, целый день просидел без всякого дела... Только жалованье даром получают, чёрт бы их побрал... Немецкая свинья...» [Там же. С. 196]. Обличая русского обывателя, поляк Ляшкевский сам оказывается ничуть не лучше того, кого он высмеивает или противопоставляет себе. Таким образом, *чеховская ирония* оказывается обращенной не на «свою» или «чужую» национальную культуру, а на *общий уровень культуры и образования человека*. Близким художнику является свободный, независимый, нравственно и физически богатый герой, который ставит духовные ценности выше материальных.

В поздних произведениях писателя встречаются немногочисленные образы иностранцев, и мы также можем говорить о том, что образ чужеземца не является для Чехова самоцелью, а подчинен определенным функциям. В отличие от ранних рассказов, где образы иностранцев предельно обобщены, в более поздних текстах образы иноземцев отличаются динамичностью. У зрелого Чехова носитель «иной» культуры нередко выступает

представителем другого взгляда на жизнь или воплощает другой тип человеческого поведения. В центре внимания писателя – *сознание героя* и его этическая и ценностная позиция, особенности взаимодействия этого сознания с изображённым бытием. Так, в повести «Дуэль» (1891) антагонистом Лаевского, мягкого, легкомысленного, ведущего разгульный образ жизни русского человека, выступает немец Фон Корен, «натура твёрдая, сильная, деспотическая» [24. Т. 7. С. 397]. Будучи зоологом, немец предлагает отвечать на вечные вопросы жизни, обращаясь к логике и точным наукам: «Поэтому никогда не ставьте вопроса, как вы говорите, на философскую, или так называемую христианскую почву; этим вы только отдаляетесь от решения вопроса» [Там же. С. 430].

С нашей точки зрения, в произведении на первый план выходит *внутренний конфликт* каждого из персонажей, представляющих *разные системы ориентирования в жизни*. Фон Корен презирует Лаевского за его поведение и жестко проводит свою позицию: «У каждого из нас женщина есть мать, сестра, жена, друг, у Лаевского же она – всё, и притом только любовница. Она, то есть сожительство с ней – счастье и цель его жизни; он весел, грустен, скучен, разочарован – от женщины; жизнь опостылела – женщина виновата; загорелась заря новой жизни, нашлись идеалы – и тут ищи женщину... Удовлетворяют его только те сочинения или картины, где есть женщина. Наш век, по его мнению, плох и хуже сороковых и шестидесятых годов только потому, что мы не умеем до самозабвения отдаваться любовному экстазу и страсти» [Там же. С. 372]. Отличаясь излишней категоричностью и жесткостью в начале повествования, фон Корен становится более мягким, терпимым и понимающим к концу, и система его оценок также претерпевает изменения вместе с его внутренним «я».

Вторая отличительная черта использования Чеховым этностереотипов связана с хронотопическими особенностями представления «чужого» в произведениях. Сюжет чеховских рассказов и повестей разворачивается в основном в провинциальных уездных, губернских городах; в усадьбах; в столичных городах Москве и в Петербурге, где мы и встречаем «живых» героев-иностранцев. В произведениях Чехова создаются также образы европейских государств – Франции, Германии, Италии, и географическое пространство другой страны рисуется штрихами.

В рассказе «Ариадна» (1895) роман героя начался в его подмосковном имении и продолжился в Италии и других странах. Иная страна с ее историей и искусством остается в тени, заграничное пространство дано штрихами, герои погружены в собственные переживания и обеспокоены тем, как сытно и вкусно поесть и где достать средства: «Мы поехали в Италию, и я телеграфировал отцу, чтобы он, бога ради, прислал мне в Рим переводом рублей восемьсот. Мы останавливались в Венеции, в Болонье, во Флоренции и в каждом городе непременно попадали в дорогой отель, где с нас драли отдельно и за освещение, и за прислугу, и за отопление, и за хлеб к завтраку, и за право пообедать не в общей зале. <...> А в промежутках между едой мы бегали по музеям и выставкам, с постоянною мыслью, как

бы не опоздать к обеду или завтраку. Я тосковал перед картинами, меня тянуло домой полежать, я утомлялся, искал глазами стула и лицемерно повторял за другими: “Какая прелесть! Сколько воздуха!” <...> То же было и в Риме. Тут шел дождь, дул холодный ветер. После жирного завтрака мы поехали осматривать храм Петра и, благодаря нашей сытости и, быть может, дурной погоде, он не произвел на нас никакого впечатления, и мы, уличая друг друга в равнодушии к искусству, едва не поссорились» [24. Т. 9. С. 121–122].

Нередко образ заграницы возникает лишь в сознании персонажей на основе прочитанных книг, рассказов других людей об этой стране, каких-то общих мнений, ложных представлений, витающих в воздухе. Собственно самой страны словно не существует: существуют только многообразные мнения о той или иной стране и об «иной» культуре. Помещик Камышев («На чужбине». 1885) так представляет себе Францию: «...Ну, *что такое Франция*, говоря по совести? *Кусочек земли!* Пошли туда нашего исправника, так он через месяц же перевода запросит: повернуться негде! Вашу Францию всю в один день объездить можно, а у нас выйдешь за ворота – конца краю не видно! Едешь, едешь...» [Там же. Т. 4. С. 163–164].

Рассказ «К характеристике народов (Из записок одного наивного члена Русского географического общества)» (1884) построен как энциклопедия, в которой дана характеристика разных народов. Член Русского географического общества описывает каждый народ, его обычаи и традиции поверхностно, стереотипно и однобоко, невольно открывая читателю своё собственное обыденное, некультурное сознание. Реалии «иной» культуры, представленные в искажённом виде, смешиваются у «географа», с трудом представляющего себе географическое положение страны, о которой он говорит, с реалиями русской культуры. Так, французы, по его мнению, легкомысленны и безнравственны, потому что «читают нескромные романы, женятся без позволения родителей, не слушаются дворников, не уважают старших и даже не читают “Московских ведомостей”» [Там же. Т. 3. С. 113]. Шведы «ездят на шведках, слушают в ресторанах пение шведок и подмазывают колеса норвежским дегтем. Живут в местах отдалённых» [Там же]. «*Испанцы* дни и ночи играют на гитарах, дерутся под окнами на дуэлях и ведут переписку с звенигородским помещиком Константином Шиловским, сочинившим “Тигрёнка” и “Желаю быть испанцем”» [Там же]. У англичан «нет досуга... Им некогда обедать, бывать на балах, ходить на randevu, париться в бане. На randevu вместо себя посылают они комиссионеров, которым дают неограниченные полномочия», а живут они «в английских клубах, на английской набережной и в английском магазине» [Там же. С. 114]. Как мы видим, характеристики культур не даются с позиции национального своеобразия той или иной культуры, иного менталитета в сравнении с русской культурой и русским менталитетом. «Иная» культура как другой образ жизни не принимается обывателем, принижается им. Не «иная» культура, а «географ», уничижительно и карикатурно представляя «иную» культуру, высмеивается автором, который обнажает ложную систему ценностей героя.

В поздних произведениях писателя с образом заграницы связан *мотив бегства*, сопряжённый с *другими мотивами* – *одиночества, скуки, недовольства жизнью*, которые сопровождают пребывание героев как в России, так и за границей. Герой, стремясь заполнить экзистенциальный вакуум, бежит в другую страну мысленно или в реальности, но, попав в новое культурное пространство, он снова не находит себе места, и прежнее ощущение недовольства возвращается. В «Рассказе неизвестного человека» (1893) рассказчик, названный Неизвестным, бежит с Зинаидой Фёдоровной за границу от окружавшей героев пошлости. Но и там герой не находит покоя, скука и раздражение преследуют его: «В Венеции у меня *начались плевритические боли*. Вероятно, я простудился вечером, когда мы с вокзала плыли в Hôtel Bauer. *Пришлось с первого же дня лечь в постель* и пролежать недели две <...> И я уходил к себе. Так мы прожили целый месяц. В один пасмурный полдень, когда оба мы стояли у окна в моем номере и молча глядели на тучи, которые надвигались с моря, и на посиневший канал и ожидали, что сейчас хлынет дождь, и когда уж узкая, густая полоса дождя, как марля, закрыла взморье, *нам обоим вдруг стало скучно*. В тот же день мы уехали во Флоренцию <...> Потом я вышел на террасу и долго глядел на море. Вдали на горизонте ни одного паруса, на левом берегу в лиловой мгле горы, сады, башни, дома, на всем играет солнце, но все чуждо, равнодушно, путаница какая-то» [24. Т. 8. С. 197–198, 201, 203]. Мучается и страдает Зинаида Фёдоровна: «Владимир Иванович, – сказала она тихо и прерывисто дыша; *ей тяжело было говорить*. – Владимир Иванович, если вы сами не верите в дело, если вы уже не думаете вернуться к нему, то зачем... *зачем вы тащили меня из Петербурга?* Зачем обещали и *зачем возбудили во мне сумасшедшие надежды?*» [Там же. С. 205].

В «Архирее» (1902) преосвященному Петру «захотелось вдруг за границу, нестерпимо захотелось. Кажется, жизнь бы отдал, только бы не видеть этих жалких, дешёвых ставень, низких потолков, не чувствовать этого тяжкого монастырского запаха» [Там же. Т. 10. С. 199]. Но мы знаем, что, когда герой был за границей, то «тосковал по родине». Мотивы экзистенциального одиночества и недовольства собой и жизнью проходят через всё произведение. А.С. Собенников в работе «Чехов и христианство» (2005), анализируя рассказ, справедливо отмечает: «Эстетическая оппозиция “Россия – Европа” не разворачивается в социально-экономический дискурс: чья жизнь лучше? Бедность русской жизни в конечном счете ставит экзистенциальную проблему “бедности” мира вообще, не способного ответить на вопрошания человеческого духа» [26. С. 59]. «Он думал о том, что вот *он достиг всего*, что было доступно человеку в его положении, он веровал, *но все же не все было ясно*, чего-то еще не доставало, не хотелось умирать; и все еще казалось, что *нет у него чего-то самого важного*, о чем случайно мечталось когда-то, и в настоящем волнует все та же *надежда на будущее*, какая была и в детстве, и в академии, и за границей» [24. Т. 10. С. 195]. Мы понимаем, что герой тоскует не по другому месту («загранице»), страдает не от неустроенности провинциальной жизни, но от одиночества, от-

сутствия общения, душевного тепла и понимания. И приходим к выводу, что тоска героя не по другой обстановке, его тоска – *экзистенциальная*. Поэтому другая страна предстаёт, с нашей точки зрения, как равноправное с русским пространство, пребывание на котором не вносит существенных изменений в жизнь героя, что приводит нас к выводу, что для писателя главным является именно воплощение экзистенциального опыта человека в пространстве жизни.

И наконец, третья отмеченная нами особенность представления национальных стереотипов заключается в отсутствии в сознании *автора* оппозиции «свое / чужое», которая тем не менее может постоянно присутствовать в сознании *героя*, что в свою очередь приводит к насмешке автора над его позицией. И это свидетельствует об особенностях мировоззрения писателя и особенностях его художественного мира, где обычно отсутствует резкая противопоставленность.

В рассказах «Дочь Альбиона» (1883), «На чужбине» (1885), «Обыватели» (1887) звучит тема превосходства своего над чужим. Невозмутимая, высокая, тонкая и презрительно глядящая англичанка мисс Тфайс (рассказ «Дочь Альбиона») спокойно удит рыбу и не обращает внимания на хозяина, который голый лезет в воду, чтобы отцепить крючок. Вся образная система рассказа построена на том, что и помещик Грябов, и гувернантка мисс Тфайс представляются в рассказе носителями этностереотипов. Но цель автора отнюдь не в дискредитации стереотипов и разрушении их. Внимание читателя направлено именно на поведение и поступки помещика. Грябов презрительно отзывается о гувернантке-англичанке и ставит её как представителя иной культуры ниже себя по образованию, воспитанию, поведению: «Живет *дурища* в России десять лет, и *хоть бы одно слово по-русски!*.. Наш какой-нибудь аристократишка поедет к ним и живо поихнему брехать научится, а они... *чёрт их знает!* Ты *посмотри на нос!* На нос ты посмотри! <...> Она не женщина, а девица... О женихах, небось, мечтает, *чёртова кукла*. И *пахнет от нее какою-то гнилью*. Возненавидел, брат, ее! Видеть равнодушно не могу! Как *взглянет* на меня своими *глазницами*, так меня и покоробит всего, словно я локтем о перила ударился. Тоже *любит рыбу ловить*. Погляди: ловит и священнодействует! *С презрением на всё смотрит*... Стоит, каналья, и сознает, что она человек и что, стало быть, она царь природы. А знаешь, как ее зовут? *Уилька Чарльзовна Тфайс!* Тыфу!.. и не выговоришь!» [24. Т. 2. С. 196].

Мисс Тфайс не столько воплощает «иную» английскую культуру, иной национальный характер (характеристики её национальной ментальности даны как стереотипные), сколько служит некоторой точкой отсчёта для оценки действий и поступков других персонажей. Такие черты английского национального характера, как невозмутимость, беспристрастность, не противопоставляются русским национальным чертам характера. На фоне англичанки, которая на протяжении рассказа не произносит ни слова, помещик Грябов и предводитель дворянства Отцов показывают всю свою грубость, невоспитанность, невежество, хотя и охотно противопоставляют

себя англичанке: «Грябов снял сапоги, панталоны, сбросил с себя белье и очутился в костюме Адама. Отцов ухватился за живот. Он покраснел и от смеха и от конфуза. Англичанка задвигала бровями и замигала глазами... По желтому лицу ее пробежала надменная, презрительная улыбка» [24. Т. 2. С. 198].

Жизнь в России в сопоставлении с жизнью за границей представляла в произведениях многих русских писателей как серая, неудобная и невыносимая. Жизнь за границей, напротив, изображалась как комфортная, цивилизованная и полная надежд. В творчестве Чехова оппозиция «заграница / Россия» решается иначе, чем у его предшественников. Выше нами кратко было отмечено и показано на анализе конкретных произведений, что в художественном мире писателя важны не своя и чужая страна как географические и культурные пространства, а важно *отношение* к ним человека, их *субъективно-ценностная окрашенность*. Характерно в этом отношении очень ценное наблюдение А.С. Собенникова: «...любая вещь в мире Чехова с аксиологической точки зрения нейтральна. Бумажки, пахнущие ворванью, кусок синей материи, горшочки со сметаной, крыжовник значат только то, что значат, но в определенной системе ценностных отношений они превращаются в знак “мирка”. Поэтому когда говорят, что в “Ионыче” выпускник университета Дмитрий Ионыч Старцев стал жертвой среды, то это неправда. У героя Чехова была внутренняя готовность превратиться в Ионыча» [27. С. 149]. Поэтому в художественных текстах писателя мы видим взаимодействие разных ценностно-смысловых позиций, а не противопоставление культур.

В рассказе «Свистуны» (1885) помещик Алексей Федорович Восьмёркин водит по своей усадьбе приехавшего погостить из Петербурга брата-магистра. Рассказ построен преимущественно как монолог Восьмёркина, реплики брата сведены к минимуму. Авторские отступления немногословны, они больше представляют обстановку, действия персонажей: «А похлёбка между тем простыла, и каша, которую вынули из печи, перестала уже испускать из себя дымок» [24. Т. 4. С. 111]. В центре рассказа – многочисленные, плаксивым голосом высказываемые негодования Восьмёркина на себя и себе подобных и одновременно неумеренные восхваления русского народа и его представителей. Восьмёркин всячески противопоставляет якобы исконное русское и европейское, что воплощает, по его мнению, Петербург. Помещик укоряет брата за то, что западники (таким он назвал магистра) чужое выучили, своего не хотят знать. Помещик восхваляет (конечно же, на словах) русский народ, умаляя другие народы: «Настоящая Русь! Народ на подбор! И что за народ! Какому, прости господи, скоту немцу или французу сравняться? Супротив нашего народа всё то свиньи, тля!» [Там же. С. 108].

Казалось бы, подвыпившие братья ведут себя противоположно, но они не отличаются друг от друга отношением к работникам. Брат говорит, что у каждого народа своё прошлое, т.е. не соглашался с карикатурным возвеличиванием своего народа братом, но одновременно курит «для чистоты

воздуха сигару» [24. Т. 4. С. 108]. А когда дело доходит до издевательств над людьми, магистр не высказывает протеста и также участвует в издевательствах брата-помещика над дворовыми. Восьмёркин не принимает дворовых за людей, но считает их животными. Например, он говорит о людях, как о породистых лошадях: «Погляди, магистр! В плечах – косая сажень! Грудница, словно у слона! С места, анафему, не сдвинешь! А сколько в нем силы-то этой нравственной таится! Сколько таится! Этой силы на десяток вас, интеллигентов, хватит...» [Там же. С. 110]. Когда Восьмёркин потряс пастуха Фильку за плечо, то Филька ухмыльнулся и издал звук «гы-ы». Помещик заявил, что преклоняется перед русским народом: «Веришь ли? Учусь у них!» [Там же. С. 109]. В людской, где обедали дворовые, издевательства также не прекращались. Людям не дали спокойно пообедать. Хозяин приказывал им петь, обсуждал особенности каждого «вольнонаёмника». Дело дошло бы и до танцев, но лакей доложил господам, что кушать подано. Сами братья вовремя сели обедать и за обедом снова говорили о преклонении перед русским народом, но на деле издевались над ним. Ключевым в рассказе становится не противопоставление русского и европейского, а праздные разговоры, «свистёжь» братьев, которые, рассуждая о своей культуре (на самом деле – просто болтая о ней), противопоставляя ее другой культуре, выдают себя, невольно высвечивая собственную систему ценностей.

Проблема использования Чеховым национальных стереотипов, конечно, нуждается в дальнейшей детальной разработке и привлечении нового материала. Анализ отдельных произведений показывает, что, с одной стороны, проза Чехова дает богатый материал для размышления над проблемой национального, а именно: писатель создаёт образы русских людей и представителей других культур, рисует бытовую обстановку дома и усадьбы конца XIX в., творчески осмысляет национальные традиции и обычаи. С другой стороны, упоминание «иной» культуры в художественных произведениях отсылает читателя к стереотипу. Этностереотипы не столько отделяют одну культуру от другой, сколько характеризуют сознание персонажей и служат для выявления их ценностной и этической позиции. Писателя в первую очередь интересует *ценностное* сознание человека *любой* культуры, и авторская точка зрения выражает антропологический взгляд на человека как на носителя онтологического начала. На первый план у Чехова выходит не то, что разделяет и, следовательно, создает национальный колорит, а, напротив, то, что сближает разные культуры. Этим, на наш взгляд, можно объяснить факт огромной популярности чеховского творчества у зарубежного читателя, воспринимающего писателя одновременного и как «своего», и как «чужого». В представленных образах иностранцев присутствует ярко выраженный эмоционально-оценочный компонент.

Литература

1. Finke M. Metapoesis. The Russian Tradition from Pushkin to Chekhov. Durham ; London, 1995. P. 221.

2. *Sherbinin J.W.* De Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm. Evanston, IL : Northwestern University Press, 1997. P. 189.
3. *Senelick L.* Chekhov and the bubble reputation // Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture. N.Y. : Peter Lang, 1997. P. 5–18.
4. *Kirjanov D.A.* Chekhov and the Poetics of Memory. Studies on Themes and Motifs in Literature. N.Y. : Peter Lang, 2000. P. 193.
5. *Лихачев Д.С.* Национальное единообразие и национальное разнообразие // Русская литература. 1968. № 1. С. 135–141.
6. *Редькин В.А.* Русский национальный характер как литературоведческая категория // Проблемы национального самосознания в русской литературе XX века / отв. ред. В.А. Редькин. Тверь, 2005. С. 18–36.
7. *Захаров В.Н.* Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. Вып. 1. С. 5–11.
8. *Захаров В.Н.* Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 5–30.
9. *Котельников В.А.* Православная аскетика и русская литература: (На пути к Оптиной). СПб. : Призма-15, 1994. 208 с.
10. *Шеинунова С.В.* Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 6–17.
11. *Катаев В.Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
12. *Ерофеев В.В.* Миф Чехова о Франции // Чеховиана: Чехов и Франция. М. : Наука, 1992. С. 19–24. URL: <http://www.chekhovoved.ru/index.php/library/sborniki/41-chekhovetfrance/186-erofeev> (дата обращения: 15.05.2016).
13. *Желтова Н.Ю.* «Русское» и «Английское» в рассказе А.П. Чехова «Дочь Альбиона» // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2011. № 12. С. 310–312.
14. *Поджхан М.А.* Национальные стереотипы в художественном пространстве: цель или средство? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. Вып. 2. С. 59–64.
15. *Буглак Т.О.* Французы и Франция в творчестве А.П. Чехова: основные лейтмотивы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 400–403.
16. *Крюкова О.С.* Немцы и «немецкое» в раннем творчестве А.П. Чехова // А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя : сб. материалов Междунар. науч. конф., Ростов-на-Дону, 1–4 октября 2009 г. Ростов н/Д: ЛОГОС, 2009. С. 89–94.
17. *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Этнология. М. : Академия: Высш. шк., 2000. 304 с.
18. *Филюшкина С.Н.* Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4. С. 141–155.
19. *Дима А.* Образ иностранца в различных национальных литературах // Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. С. 148–153.
20. *Михальская Н.П.* Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М. : МПГУ, 1995. 152 с.
21. *Михальская Н.П.* Россия и Англия: проблемы имагологии. Москва ; Самара : Порто-Принт, 2012. 224 с.
22. *Поляков О.Ю.* Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур / отв. ред. О.Ю. Поляков. Киров, 2012. С. 3–14.

23. Папилова Е.В. Художественная имагология: немцы глазами русских: на материале литературы XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 23 с.
24. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.
25. Павлов Ю.М. Чехов как русский человек: [Бунин о Чехове] // Наш современник. 2014. № 6. С. 258–264.
26. Собенников А.С. Чехов и христианство. Иркутск : Иркут. ун-т, 2000. 84 с.
27. Собенников А.С. Оппозиция дом – мир в художественной аксиологии А.П. Чехова и традиция русского романа // Чеховиана. Чехов и его окружение. М., 1996. С. 144–149.

ETHNIC STEREOTYPES AND THE ROLE THEY PLAY IN THE REPRESENTATION OF FOREIGNERS IN CHEKHOV'S PROSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 53. 127–142. DOI: 10.17223/19986645/53/9

Viktoriia S. Abramova, Perm State University (Perm, Russian Federation).
E-mail: abramovavictoria@yandex.ru

Keywords: A.P. Chekhov's prose, national, foreigner image, foreign space image, ethnic stereotype, us vs. them category.

This article discusses the artistic functions of “the other” culture in Anton Chekhov's prose and looks at some problems of ethnic stereotypes reflection in the character's and the author's minds. Analyzing the most representative works in the designated aspect (short stories “In a Strange Land”, “The Stupid Frenchman”, “Aborigines”, “A Daughter of Albion”, “Whistlers”, “To Characteristic of the Nations”, “Ariadne”, “On Duty”, “The Bishop”, “An Anonymous Story”, “The Duel”), the author of the article identifies three distinctive features of national stereotypes representation in Chekhov's works. Firstly, the mention of “the other” culture in Chekhov's texts always refers the reader to a stereotype. At the same time characteristics of the “Russian” are also given as stereotypic. It is noted that Chekhov subordinates the ready, clichéd description to his special purposes. The image of the other is often presented by the Russian character or revealed to the reader in the foreign character's monologue and actions. It is proved that the foreigner can be the subject of a mockery and can make fun of the other culture representative, but after all he appears no better than the one he makes fun of. As a result, he becomes an object of the author's mockery that discloses the cultural and educational level of the person in question. Also the foreigner can represent a different system of ethics and values in comparison with which the existing system is shaded, integrated or discredited. Besides, he can introduce another outlook on life. A free, independent character, who puts spiritual values above material ones, is highly appreciated by the writer. Secondly, the writer draws the geographical space of a foreign country only in strokes. The image of a foreign space is quite often presented through the character's eyes, and that discloses his consciousness. In the artistic world created by Chekhov, both the homeland and a foreign country are not important as geographical and cultural spaces. Important is how the character feels about a country. In late Chekhov's works, the motif of escape is related to the foreign space image and accompanies characters' stay in Russia and abroad. Another country seems no different from Russia, and a stay in any country does not make significant changes to the character's life. This allows us to draw a conclusion that the existential experience of man in the life space is the most important for the writer. Last but not least, there is no opposition us vs. them in the author's mind; however, it may constantly be present in the character's mind, and that leads to the author's mockery of his point of view. It is noted that in Chekhov's texts we see interaction of different value and semantic positions, but not the opposition of cultures. The article draws a conclusion that ethnic stereotypes are not ends in themselves for Chekhov as in the center of his attention is human ethics and values of any nationality.

References

1. Finke, M. (1995) *Metapoesis. The Russian Tradition from Pushkin to Chekhov*. Durham; London: Duke University Press.
2. Sherbinin, J.W. de. (1997) *Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
3. Senelick, L. (1997) Chekhov and the bubble reputation. In: Clayton, J.D. (ed.) *Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture*. N.Y.: Peter Lang.
4. Kirjanov, D.A. (2000) *Chekhov and the Poetics of Memory. Studies on Themes and Motifs in Literature*. N.Y.: Peter Lang.
5. Likhachev, D.S. (1968) Natsional'noe edinoobrazie i natsional'noe raznoobrazie [National uniformity and national diversity]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 135–141.
6. Red'kin, V.A. (2005) Russkiy natsional'nyy kharakter kak literaturovedcheskaya kategoriya [Russian national character as a literary category]. In: Red'kin, V.A. (ed.) *Problemy natsional'nogo samosoznaniya v russkoy literature XX veka* [Problems of national self-consciousness in Russian literature of the twentieth century]. Tver: Zolotaya bukva.
7. Zakharov, V.N. (1994) Russkaya literatura i khristianstvo [Russian literature and Christianity]. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vv. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries. Quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Is. 1. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 5–11.
8. Zakharov, V.N. (1998) Pravoslavnye aspekty etnopoetiki russkoy literatury [Orthodox aspects of the ethno-poetics of Russian literature]. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vv. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries. Quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Is. 2. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 5–30.
9. Kotelnikov, V.A. (1994) *Pravoslavnaya asketika i russkaya literatura: (Na puti k Optinoi)* [Orthodox asceticism and Russian literature: (On the way to Optina)]. St. Petersburg: Prizma-15.
10. Sheshunova, S.V. (2008) Natsional'nyy obraz mira kak kategoriya etnopoetiki russkoy slovesnosti [National image of the world as a category of ethno-poetics of Russian literature]. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vv. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries. Quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Is. 5. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 6–17.
11. Kataev, V.B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow: Moscow State University.
12. Erofeev, V.V. (1992) Mif Chekhova o Frantsii [Chekhov's Myth about France]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhoviana: Chekhov i Frantsiya* [Chekhoviana: Chekhov and France]. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <http://www.chekhoved.ru/index.php/library/sborniki/41-chekhovetfrance/186-erofeev>. (Accessed: 15.05.2016).
13. Zheltova, N.Yu. (2011) “Russian” and “English” in A.P. Chekhov's story “Daughter of Albion”. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 12. pp. 310–312. (In Russian).
14. Podzhkhan, M.A. (2013) National stereotypes in author's artistic world: purpose or means? *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2. pp. 59–64. (In Russian).
15. Buglak, T.O. (2014) French and France in the works of A.P. Chekhov: the main leit-motifs. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 3. pp. 400–403. (In Russian).
16. Kryukova, O.S. (2009) [Germans and the “German” in the early works of A.P. Chekhov]. *A.P. Chekhov i mirovaya kul'tura: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [A.P. Chekhov and world culture: to the 150th anniversary of the writer's birth]. Proceedings

of the conference. Rostov-on-Don. 1–4 October 2009. Rostov-on-Don: LOGOS. pp. 89–94. (In Russian).

17. Sadokhin, A.P. & Grushevitskaya, T.G. (2000) *Etnologiya* [Ethnology]. Moscow: Akademiya: Vyssh. shk.

18. Filyushkina, S.N. (2005) Natsional'nyy stereotip v massovom soznanii i literature (o-pyt issledovatel'skogo podkhoda) [National stereotype in the mass consciousness and literature (experience of the research approach)]. *Logos*. 4. pp. 141–155.

19. Dima, A. (1977) *Printsipy sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Principles of comparative literary studies]. Moscow: Progress. pp. 148–153.

20. Mikhail'skaya, N.P. (1995) *Obraz Rossii v angliyskoy khudozhestvennoy literature IX–XIX vv.* [The image of Russia in the English fiction literature of the 9th–14th centuries]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.

21. Mikhail'skaya, N.P. (2012) *Rossiya i Angliya: problemy imagologii* [Russia and England: problems of imagology]. Moscow; Samara: Porto-Print.

22. Polyakov, O.Yu. (2012) Aktual'nye problemy izucheniya retseptsii i reprezentatsii natsional'nykh obrazov v svete imagologii [Topical problems of studying reception and representation of national images in the light of imagology]. In: Polyakov, O.Yu. (ed.) *Imagologicheskie aspekty russkoy i zarubezhnykh literatur* [Imagological aspects of Russian and foreign literatures]. Kirov: Raduga-PRESS.

23. Papilova, E.V. (2013) *Khudozhestvennaya imagologiya: nemtsy glazami russkikh: na materiale literatury XIX v.* [Artistic imagology: Germans through the eyes of Russians: on the material of the literature of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

24. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. Pis'ma: v 12 t.* [Complete works and letters: 30 vols. Compositions: 18 vols. Letters: 12 vols]. Moscow: Nauka.

25. Pavlov, Yu.M. (2014) Chekhov kak russkiy chelovek: [Bunin o Chekhove] [Chekhov as a Russian: [Bunin about Chekhov]]. *Nash sovremennik*. 6. pp. 258–264.

26. Sobennikov, A.S. (2000) *Chekhov i khristianstvo* [Chekhov and Christianity]. Irkutsk: Irkutsk State University.

27. Sobennikov, A.S. (1996) Oppozitsiya dom – mir v khudozhestvennoy aksiologii A.P. Chekhova i traditsiya russkogo romana [Opposition “house – world” in artistic axiology. Chekhov and the tradition of the Russian novel]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhoviana. Chekhov i ego okruzhenie* [Chekhoviana. Chekhov and his entourage]. Moscow: Nauka.